

Смена социально-классовой стратегии правящих и господствующих групп Запада в условиях структурного кризиса капитализма

Аннотация

Статья посвящена анализу социально-политических условий, возникших в мировой капиталистической системе под воздействием начала структурного кризиса капитализма в 1970-х годах. В результате кризиса послевоенный период восходящего развития капитализма сменяется нисходящим. В этот момент происходит также сдвиг в политической и идеологической конъюнктуре. Столкнувшись с ситуацией структурного кризиса, правящие и господствующие группы МКС начали поиски возможностей перестройки капиталистической системы с целью воссоздания необходимых экономических, политических, социальных и культурно-идеологических условий ее стабильного функционирования и развития. Данная статья анализирует интеллектуальные, организационные и политико-экономические усилия верхушки транснациональной финансовой монополистической элиты, повлекшие за собой изменение ее социально-классовой стратегии, определившее характер указанной перестройки. Рассматривается деятельность “мозговых центров” транснациональной элиты, способствовавших формированию нового мирового политико-экономического ландшафта. Показывается, как на протяжении 1970-х годов вызрела неолиберальная трансформация послевоенного режима накопления. Неолиберальная трансформация стала важнейшим процессом, определяющим долгосрочную историческую конъюнктуру периода структурного кризиса капитализма. Ее составной частью является неолиберальная глобализация, рассматриваемая как новая форма империализма.

Ключевые слова: *глобальный кризис, капитализм, долгосрочная историческая конъюнктура, глобализация, неолиберализм, К.Маркс*

В предыдущей статье [Малюк, 2013] была предпринята попытка применения методологического подхода, основанного на понятии долгосрочной

исторической конъюнктуры, к анализу периода формирования условий и предпосылок современного глобального финансово-экономического кризиса. Было показано, что долгосрочная историческая конъюнктура, характеризующая период современного глобального кризиса, начала складываться на рубеже 1970-х годов. В этот момент происходит перелом кривой капиталистического развития и послевоенный период восходящего развития капитализма сменяется нисходящим. Мировая капиталистическая система (МКС) вступает в период структурного кризиса послевоенной модели капиталистического развития. Столкнувшись с ситуацией структурного кризиса, правящие и господствующие группы МКС начали поиски возможностей перестройки капиталистической системы с целью воссоздания необходимых экономических, политических, социальных и культурно-идеологических условий ее стабильного функционирования и развития. Задачей данной статьи как раз и является анализ интеллектуальных, организационных и политико-экономических усилий транснациональной финансовой монополистической элиты, повлекших за собой изменение ее социально-классовой стратегии и идеологического климата западных обществ, определившее характер указанной перестройки. Ниже будет показано, как на протяжении 1970-х годов вызревала неолиберальная трансформация послевоенного режима накопления с проектом неолиберальной глобализации как ее составной частью. Неолиберальная трансформация стала важнейшим процессом, характеризующим долгосрочную историческую конъюнктуру периода структурного кризиса капитализма.

По мере того как основания “золотого века” (1945–1973) разрушались, подъем рабочего, демократического и национально-освободительного движения в мире нарастал параллельно увеличению количества экономических и политических неурядиц, а относительно благоприятная экономическая ситуация сменилась нарастающей дестабилизацией мировой экономики, правящие классы стали усматривать основной источник проблем в непомерных требованиях рабочего класса в ядре МКС и национально-освободительных движений на ее периферии. Высокие расходы на социальные нужды и слишком высокие издержки на рабочую силу, особенно в отраслях с сильными позициями профсоюзов, преподносились как основные причины безудержной инфляции, падения прибыли и снижения конкурентоспособности в условиях обострения конкуренции на мировых рынках.

Структурный кризис, сопровождавшийся подъемом массовых демократических и революционных движений, подготовил почву для смены настроений, а затем и всей социально-классовой стратегии правящих классов. С начала 1970-х политические и деловые элиты Запада искали пути отказа от ставшей бременем для процесса капиталистического накопления кейнсианской политики. В этих условиях начинает все громче заявлять о себе неоконсервативное и неолиберальное политико-идеологическое течение, находя массовую политическую поддержку и социальную базу среди правых консервативных кругов буржуазных партий. Бизнес поддерживал идеологию, возлагавшую ответственность за экономические проблемы на “социальное государство” и профсоюзы, и с готовностью шел на заключение альянса с правыми политическими движениями, говорившими, что решение проблемы заключается в восстановлении “естественного порядка” саморегулирующихся рынков, и призывавшими к снижению налогов, дерегулиро-

ванию экономики и сокращению государственного аппарата. При этом лидеры бизнеса игнорировали тот факт, что крупнейшие корпорации сами являются крайне бюрократизированными структурами с раздутыми управленческими штатами, не способными гибко реагировать на изменения на рынке. Для правящих классов индустриально развитых стран Запада 1970-е годы — это период подготовки отхода от реформистского курса и экспериментов по выработке новой социально-классовой стратегии.

В начале 1970-х консервативные политики типа лидера Республиканской партии и президента США Р.Никсона еще могли выступать с заявлениями: “Мы все теперь кейнсианцы” [Block, 2007: p. 18], но именно в это время в Республиканской партии и ее европейских аналогах начинают преобладать идеи Ф.Хайека и М.Фридмана, в США и Западной Европе заметно активизируются аналитические группы и центры, распространяющие неолиберальные идеи. К основанному в 1947 году под руководством Ф.Хайека Обществу Мон-Пелерин (его членами были также Л. фон Мизес, М.Фридман, К.Поппер и брат К.Поланьи М.Поланьи) со второй половины 1950-х годов присоединяются Институт экономических отношений (К.Джозеф, занимавший в 1970-х видные позиции в этом исследовательском центре, позже стал советником М.Тэтчер), Центр политических исследований (1974), Институт Адама Смита (1976) в Великобритании, Круглый стол бизнеса (1972), Херитидж Фаундейшн (1973), Центр исследования американского бизнеса, Американский институт предпринимательства (создан в 1943 году противниками “нового курса” Ф.Д.Рузвельта) в США, “новые экономисты” во Франции, занимавшиеся теоретическими и прикладными исследованиями, а также разработкой аргументации в пользу неолиберальных идей [Harvey, 2005; Miller, 2010].

Среди ведущих представителей интеллектуальной элиты США, отстаивавших реализацию неолиберального проекта, следует упомянуть известных социологов, политологов и экономистов Н.Подгорца, И.Кристолла, С.Липсета, Д.Белла, С.Хантингтона и др. В это же время набирает силу Чикагская школа М.Фридмана, идеи которой вскоре стали новой ортодоксией на экономических факультетах и в школах бизнеса всех ведущих университетов США. Объектом их критики стали реформистские силы, с их слишком мягкой, по мнению неолибералов, политикой социального мира, нацеленной на достижение социально-экономических целей путем компромиссов. Однако, как утверждали неолибералы, в новых условиях социально-классовая стратегия, основанная на идеях кейнсианства, изжила себя. Поэтому для исправления ситуации ими рекомендовалась стратегия, построенная на монетаристских рецептах. Особенно заметно маятник общественного сознания правящих классов стран Запада качнулся в сторону неолиберализма после того, как кризис перенакопления был усугублен нефтяным шоком 1973 года, за которым последовал самый глубокий со времен Великой депрессии экономический кризис, приведший к резкому ухудшению условий капиталистического производства.

Таким образом, в правящих и господствующих группах ядра резко усилилось стремление реставрировать докейнсианский социальный порядок, в котором первоочередной целью станет поощрение частнопредпринимательской инициативы, повышение роли конкуренции и сокращение издержек производства, особенно затрат на рабочую силу. Само же социальное госу-

дарство и институциональные структуры кейнсианского компромисса стали дискредитироваться как aberrация, отклонение от естественного положения вещей. Резкий поворот в настроениях крупного бизнеса и политических лидеров Запада, вознамерившихся покончить с политикой “исторического компромисса” и добиться социального реванша, был вызван изменениями условий функционирования МКС и сопровождался мощным наступлением правоконсервативных сил, стремившихся обеспечить себе идейную гегемонию.

В новых исторических условиях верхушка капиталистических классов и правящие круги стран Запада вынуждены были искать контуры структурного ответа на вызовы капитализму со стороны антисистемных движений. Примером того, в каком направлении транснациональная элита вела поиски путей преодоления структурного кризиса капитализма, служат попытки ее неформальных планирующих форумов, таких как Совет по международным отношениям (СМО), основанный в 1973 году по инициативе председателя СМО Дэвида Рокфеллера Трехсторонняя комиссия, а также созданный при непосредственном участии Рокфеллеров Римский клуб, сформулировать новый стратегический курс. С начала 1970-х “имперский мозговой трест”, как называли СМО американские леворадикальные социологи Л.Шоуп и У.Минтер, предпринял широкомасштабное исследование. Его цель заключалась в отыскании мер по преодолению кризиса сложившейся после войны международной системы и определении параметров нового мирового порядка, который бы позволял “справляться с условиями и проблемами грядущего десятилетия”. Этому исследованию, получившему название “Проект 1980-х годов”, придавалось значение не меньшее, чем другому проекту СМО на тему “Исследование войны и мира”, который проводился в годы Второй мировой войны и результатом которого стало определение архитектуры послевоенного мирового порядка под эгидой гегемонии США. Президент СМО Б.Маннинг отмечал концептуальное сходство между “Проектом 1980-х годов” и “Исследованием войны и мира”: в 1970-х капиталистическая система столкнулась, как это произошло и в 1940-х, с серьезным кризисом, и СМО был призван сформулировать ответ элиты на этот кризис.

Как характеризуют “Проект 1980-х годов” американские исследователи, его цель заключалась в “не менее чем создании новой глобальной политической и экономической системы для замены существующей. Современная, управляемая Америкой, международная капиталистическая система медленно распадается с конца 1960-х годов под воздействием конкуренции внутри развитого капиталистического мира, войны во Вьетнаме, нищеты и революции в третьем мире, инфляции, валютных проблем, успеха нефтяных картелей и сдвигов глобальных сил. Своевременность такого проекта является, таким образом, очевидной для руководителей Совета”. Важным элементом “систематических усилий по разработке общего курса ... изменений в международной системе в следующем десятилетии” являлась “характеристика желательного международного окружения”, то есть “международной системы, способной справиться с условиями и проблемами грядущего десятилетия”, и определение стратегий его достижения [Shoup, 1977: p. 255–256].

Доминирующим подходом СМО к созданию нового мирового порядка стал так называемый транснационализм. Его ведущие представители, такие как Д.Рокфеллер, З.Бжезинский, Дж.Болл, Э.Рейшауэр исходили из того, что мировая политическая и экономическая система, созданная США после

войны, “серьезно потрясена”. Кризис международной системы является следствием усиления позиций Западной Европы и Японии, а также сдвига в экономических отношениях между развитыми капиталистическими государствами Севера и бедными государствами Юга. Вследствие этого необходима перестройка международной системы, предполагающая создание новой архитектуры и новых институтов. Какова должна быть архитектура новой международной системы, становится понятно из того, что с точки зрения транснационалистов происходящая “глубокая трансформация” глобального порядка заключается в утрате национальным государством центральной роли в современном мире. Эпоха национального государства подходит к концу, и транснациональные силы объединяют регионы мира в экономическую и политическую федерацию.

Таким образом, транснационалисты фактически вели речь о демонтаже национальных государств, упразднении государственного суверенитета и создании мирового правления. Поскольку мир становится все более экономически и экологически взаимозависимым, международная система требует руководства, а ни одно государство не может играть решающую роль, сопоставимую с ролью США в прошлом, необходимо сотрудничество между США, Западной Европой и Японией в деле “коллективного управления” МКС. Важным элементом интеллектуального обеспечения этого управления должна стать Трехсторонняя комиссия, созданная в 1973-м по инициативе Д.Рокфеллера как форум для обсуждения общих проблем представителями кругов элиты трех главных индустриально развитых регионов МКС — Северной Америки, Западной Европы и Японии. Если, как надеялись планировщики СМО, вследствие высокой степени экономической взаимозависимости и интеграции развитого капиталистического (трехстороннего) мира произойдет его экономическая унификация, то возникнет экономический центр притяжения для всего остального мира, и результатом этого будет возникновение единой глобальной экономики с трехсторонним миром как ее центром. Советский Союз, страны Восточной Европы и третьего мира в конечном итоге должны будут интегрироваться с трехсторонним миром в единую глобальную экономическую и политическую систему, основанную на свободной торговле.

Особое внимание планировщиков нового глобального порядка привлекла проблема взаимоотношений с третьим миром [Shoup, 1977: p. 273]. По мнению директора СМО, директора Трехсторонней комиссии и участника “Проекта 1980-х годов” З.Бжезинского, основная ось конфликта в 1970-х пролегла не между западным миром и коммунистическим миром, а между развитыми и развивающимися странами. При этом страны третьего мира стремятся добиться равного распределения выгод от участия в мировой экономической системе, используя для этого контроль над природными ресурсами для разрыва традиционных моделей мировой торговли и создания нового международного экономического порядка. Это дает третьему миру негативную власть и способность отказываться от сотрудничества в сохранении мирового порядка. Вследствие растущей важности третьего мира как источника сырья СМО указывал на необходимость установления новых правил и механизмов доступа к сырьевым ресурсам стран третьего мира, обещая им в обмен доступ к западным рынкам, технологиям и капиталу и перемещение части производства из “трехстороннего мира” в третий

мир. Предполагаемая “Проектом 1980-х годов” более тесная интеграция стран третьего мира в мировую экономику не означала изменения их положения в международном разделении труда, увеличения возможностей развития и реальных изменений в глобальном распределении богатства и власти. По оценке американских исследователей деятельности СМО, цель планирования Советом новой мировой экономики заключалась в сохранении и консолидации существующей структуры власти и продолжении преобладания Запада [Shoup, 1977: p. 273].

Как следует из сказанного, руководители СМО и Трехсторонней комиссии очевидным образом стремились подчинить “территориальную” политику национальных государств транснациональным политико-экономическим целям капиталистических элит. Однако они справедливо полагали, что в результате установления системы социально-классовых компромиссов в послевоенном мире государства стали “слишком демократическими” и ответственными перед электоратом, и их интересы вступали в конфликт с интересами транснациональных корпораций.

Диагноз, который был дан СМО и Трехсторонней комиссией, заключался в том, что капиталистическая система переживает “кризис управляемости”. Поискам путей решения этой проблемы были посвящены усилия неоконсервативных идеологов, таких как Д.Белл, С.Хантингтон и др. Д.Белл в начале 1970-х выдвинул тезис о том, что в условиях государства всеобщего благосостояния функционирование капиталистической экономической системы порождает парадоксальное явление рассогласования между социальной структурой, технико-экономическими порядком и культурой, в которой начинает доминировать отрицание буржуазных ценностей. Структуры социального компромисса создают условия, при которых для значительной части населения теряется детерминация культурного стиля и личности ее социальной и экономической позицией, и личность получает возможности избегать материальных и социально-психологических ограничений собственного социально-экономического положения. Как фордистско-кейнсианская производственно-экономическая система увеличивает размеры “дискреционного дохода”, то есть дохода, превышающего затраты на удовлетворение базовых потребностей, и позволяет избирать собственный потребительский стиль, так и расширение высшего образования и создание благоприятной социальной атмосферы увеличивают возможности “дискреционного социального поведения”.

В рамках описанного типа поведения идиосинкратические аспекты жизни личности (уникальные личные качества, особенности телосложения, своеобразие жизненного опыта) становятся более важными для формирования ее жизненного стиля, чем принадлежность к определенному социальному слою или классу. “В той степени, в какой традиционная социальная классовая структура разрушается, все больше индивидов идентифицируют себя не в соответствии с собственным профессиональным базисом (в марксистском смысле), а в соответствии со своими культурными вкусами и жизненными стилями” [Bell, 1976: p. 42]. Это создает, по мнению Белла, определенную опасность для существующего общественного порядка, поскольку высвобождение от классовых ограничений приводит к тому, что общество все больше обращается к модернистской культуре, центральным элементом которой является идея войны свободного творческого духа с

ограничивающими его буржуазией и буржуазными ценностями. Эта “враждебная”, как называет ее Белл, по отношению к капитализму культура открывает путь требованиям радикальных общественных изменений, которые в итоге могут привести к социализму. “Когда в 1960-х годах возникли новые политические импульсы, радикализм нашел в ценностях враждебной культуры — атаке на общество посредством таких тем, как “массовое общество”, “аномия”, “отчуждение” — нить Ариадны, которая позволила ему возродиться в новый радикальный период” [Bell, 1976: p. 45].

Неоконсервативные идеологи рассматривали проблему главным образом сквозь призму кризиса буржуазной культуры, хотя на самом деле это был только симптом кризиса моделей социально-классовых отношений. Более важно то, что из анализа Белла, осуществленного с позиций неоконсервативного элитизма, вытекала необходимость отказа ради сохранения системы от дальнейшей ее демократизации, осуществления демонтажа кейнсианского компромисса, а также усиления социального контроля над поведением членов общества посредством установления более непосредственного доминирования капиталистической логики в их повседневной жизни.

Аргументация Белла была развита в опубликованном в 1975 году Трехсторонней комиссией докладе “Кризис демократии”, подготовленном С.Хантингтоном (участник “Проекта 1980-х годов”), М.Крозье и Д.Ватануки [Crozier, 1975]. Поскольку данный доклад уже становился предметом анализа в научной литературе [Van der Pijl, 2006 a, b; Фурсов, 2008, 2009 a, b], ограничусь рассмотрением его основных положений и выводов. В этом докладе, высказывая пессимизм относительно перспектив сохранения существующей в странах центра мирового капитализма системы политического управления и “экономических условий”, М.Крозье, С.Хантингтон и Дж.Ватануки выделили ряд угроз “западной демократии”. Среди последних особое внимание они сосредоточили на тех угрозах, которые исходили изнутри социальной структуры западных обществ и были рождены самим процессом их социальной эволюции.

По мнению авторов доклада, создание государства всеобщего благосостояния привело к появлению новой враждебной капитализму системы социальных ценностей и “страты ценностно-ориентированных интеллектуалов”, критически настроенных к существующему общественному порядку. Их доминирующим ощущением было отвращение к коррупции, материализму, неэффективности демократии и подчинению демократического управления монополистическому капитализму [Crozier, 1975: p. 8]. Эти процессы, выразившиеся в демократическом подъеме массовых движений в 1960-х, подрывали легитимность официальных институтов власти индустриально развитых капиталистических стран и их способность мобилизовать граждан, навязывать им дисциплину и требовать от них жертв для достижения социальных и политических целей властвующей элиты. Как отмечалось в докладе, “сущностью демократического подъема 1960-х являлся всеобщий вызов, брошенный существующей системе власти, публичной и частной ... Власть, основанная на иерархии, экспертном знании и богатстве, столкнулась с демократическим и эгалитарным искушением своего времени, и в течение 1960-х все эти три вида власти подвергались ожесточенным нападкам” [Crozier, 1975: p. 75].

Согласно докладу, собственно функционирование и развитие демократии и породили силы и тенденции, которые, если их не взять под контроль извне, в конечном итоге вполне могут привести к разрушению политической системы западных обществ. В этом контексте кризис демократии означал нежелательные для правящего класса тенденции в общественно-политическом развитии западных стран, которые угрожали его господствующему положению. Это четко видно из того, что под кризисом демократии понимались именно кризис управляемости западных обществ, кризис существующей системы социального контроля и политического управления. Как отмечали авторы доклада, “в последние годы функционирование демократии... привело к разрушению традиционных средств социального контроля, делегитимации политической и другой форм власти, а также к перегрузке правительства требованиями, которые превышали его способность реагировать на них” [Crozier, 1975: p. 8].

С точки зрения авторов доклада, демократические требования, предъявляемые государству, стали непосильным бременем, подрывающим способность государства эффективно решать проблемы. Вследствие этого авторы доклада рекомендовали “восстановить равноправные взаимоотношения между властью правительства и контролем народа”. Таким образом, западные эксперты фактически признали, что вследствие вынужденного применения реформистской стратегии в государствах центра капитализма возникла новая историческая ситуация, противоречащая интересам сохранения капитализма как общественной системы. Отсюда логически вытекал вывод, что дальнейшее существование капитализма является несовместимым с углублением социальных реформ и демократии и требует сокращения последней.

Последовательным шагом на этом пути стала атака на принцип равенства. отождествление демократии с социальным равенством, а также выдвижение равенства как основной цели социальной, экономической и политической жизни С.Хантингтон считал одним из главных факторов неуправляемости западных обществ. Хантингтон критически относился даже к либеральной теории справедливости Дж.Роулза, которая рассматривала справедливость в терминах равенства [Crozier, 1975: p. 62]. В качестве причины “неуправляемости” западных демократий С.Хантингтон особо выделил отождествление демократии с равенством, а также эпохальный переход к расширенным расходам на общественное благосостояние (*welfare shift*), политической основой которого был рост “политического участия и приверженности демократическим и эгалитарным нормам в 1960-х” [Crozier, 1975: p. 74]. И он был далеко не одинок. По словам другого члена Трехсторонней комиссии, президента Калифорнийского технологического института Г.Брауна, “к несчастью, по моему мнению, существует растущая тенденция к эгалитаризму” в США (цит. по: [Shoup, 1977: p. 269]).

Постановка цели достижения большего равенства или, по крайней мере, уменьшения неравенства способствовала возрастанию расходов на социальные программы, то есть расширению государства общего благосостояния. Вследствие этого, по словам доклада, ранее пассивные и неорганизованные группы населения стали вести борьбу за такие права, возможности, позиции в обществе, вознаграждения и привилегии, на которые раньше не могли претендовать, что усиливало социально-политическую неуправляемость западных обществ [Crozier, 1975: p. 61–62]. Поэтому, как писали авто-

ры доклада: “Именно... распад социальной базы демократии, проявивший себя в подъеме оппозиционных интеллектуалов и появлении углубленной в сферу частной жизни молодежи, а также диспропорции, которые были следствием реального действия демократии, делают управляемость демократии жизненно важной и действительно настоящей проблемой трехсторонних обществ” [Crozier, 1975: p. 9].

Можно сделать вывод, что доклад четко определил угрозы существованию капитализму и положению господствующей элиты, происшедшие от расширения политического участия и социально-экономических прав низших слоев общества, сопровождавшего развитие государства общего благосостояния. В конце концов эти “крайности демократии” начали создавать опасность для существующей системы правления. Поскольку источником угрозы считалась “внутренняя динамика самой демократии в обществе, которое характеризуется высоким уровнем образования, социальной мобильности и степенью участия” в политической жизни, спасение “демократии” состояло в том, чтобы восстановить баланс между “жизненной силой (vitality) демократии и управляемостью демократической системы”. Докладом рекомендовалось превращение демократии исключительно в способ формирования власти, который к тому же не должен иметь универсального применения, поскольку во многих случаях требования экспертного знания, старшинства, опыта и особых талантов могут превалировать над требованиями демократии. В соответствии с этим элитистским взглядом, отстаивающим усиление иерархии богатства и власти, “сферы применения демократических процедур должны быть ограничены” [Crozier, 1975: p. 113–114]. Естественной частью этого проекта свертывания демократизации стал вывод, что “эффективное функционирование демократической политической системы ... требует определенных доли апатии и невовлеченности со стороны некоторых индивидов и групп” [Crozier, 1975: p. 113–114]. Иными словами, доклад прямо рекомендовал отстранение масс от участия в политике.

Подход “Проекта 1980-х годов” к проблеме управляемости, учитывая, что его ключевые участники были одновременно членами Трехсторонней комиссии, был аналогичен: ограничение демократии и равенства. Проект рекомендовал деполитизацию и выведение из сферы демократического политического контроля ключевых общественных проблем, таких как инфляция, безработица, межправительственные отношения и т.п. [Shoup, 1977: p. 269].

Глобальное проектирование СМО и Трехсторонней комиссии дополнялось деятельностью созданного в середине 1960-х нового мозгового центра западной элиты — Римского клуба (официальное название дано в 1968 году на конференции общества, проходившей в Риме). Задача данной организации заключалась в продвижении проекта установления “мирового правления”, необходимость которого аргументировалась посредством обращения к “мировой проблематике”. Последняя охватывала весь комплекс политических, экономических, социальных, культурных, психологических, технических и природоохранных проблем современного мира. Римский клуб настаивал на применении к мировым проблемам глобальных подходов, отражающих “постоянно растущую взаимозависимость всех стран в рамках единой планетарной системы” [Кинг, 1991: с. 10–11]. Манипулируя данными о разрушительном воздействии человеческой деятельности и цивилизации на экологическую систему планеты, состояние климата и ограниченные ре-

сурсь, в качестве решения проблемы Римский клуб предлагал установление контроля над ростом населения, ростом промышленного производства, глобальное управление конфликтами и “глобальное равновесие”, позже переосмысленное как “устойчивое развитие”. Для этого считалось необходимым ограничение суверенитета национального государства и передача соответствующих властных полномочий так называемому глобальному управлению. Это обосновывалось тем, что решения, имеющие глобальные последствия, “должны приниматься на международном форуме, представляющем все население мира. Международный порядок должен быть устроен так, чтобы обеспечить эту возможность. Тем самым предполагается добровольный отказ от государственного суверенитета. ...Принятие этих принципов требует изменений в понимании государственного суверенитета” [Тинберген, 1980: с. 111–113].

Вместо концепции территориального суверенитета, основанного на юрисдикции над географическим пространством, Римский клуб предлагал концепцию функционального суверенитета, предполагающего юрисдикцию над определенными целями. В связи с этим в докладе Римскому клубу “Пересмотр международного порядка” (1976) Я.Тинберген отмечал: “...такое толкование позволит постепенно интернационализировать и обобществить все мировые ресурсы, как материальные, так и нематериальные, на основе принципа ”общего наследия человечества”. Это позволит также мирно разрешить спор... о соотношении национальной и международной юрисдикции в пределах одной и той же территории” [Тинберген, 1980: с. 113]. Принятие с этой целью концепции функционального суверенитета, то есть фактической десоверенизации и введения внешнего управления, потребует, по мысли авторов концепции, создания международных институтов новых типов, таких как “функциональная федерация международных организаций, децентрализованная на оперативном уровне и централизованная на уровне выработки политики”. Как говорит Я.Тинберген, “мы должны стремиться к созданию децентрализованного планетарного суверенитета и сети сильных международных институтов, которые будут его осуществлять” [Тинберген, 1980: с. 111–114].

Фактически программа Римского клуба, прозванного “клубом нулевого экономического роста”, предлагала установление под эгидой глобального правления монополии Запада на доступ к мировым ресурсам и научно-технический прогресс (привилегированный “золотой миллиард”) — своего рода запрет на развитие в “развивающемся мире” и демонтаж альтернативных Западу центров развития. Программа Клуба, по словам исследователя его деятельности В.Павленко, для незападного мира выражалась формулой “трех Д”: деиндустриализация, депопуляция, десоциализация [Павленко, 2012]. И вновь в унисон с позицией СМО и Трехсторонней комиссией, с точки зрения Римского клуба, установление глобального правления предполагало ограничение демократии. Как отмечается в докладе Клуба “Первая глобальная революция” (1991), подготовленном его президентом А.Кингом и генеральным секретарем Б.Шнайдером: “Нельзя воспринимать демократию как панацею... Она не может организовать все. Кроме того, ей свойствен ряд ограничений. И об этом необходимо заявить со всей откровенностью, как бы кощунственно это ни звучало. Как показывает практика, демократические государства уже в значительной степени утратили спо-

способность решать новые задачи ... Не понимая собственного невежества, мы заявляем: “Нам не хватает лишь политической воли”. В первую очередь необходимо реанимировать демократию, открыть перед ней ту широкую перспективу, которая позволит справиться со складывающейся в мире ситуацией. Управляем ли мир, в котором мы живем? При сохранении существующих структур и отношений возможен отрицательный ответ на этот вопрос ... Сегодня все более очевидным становится противоречие между необходимостью принятия конкретных решений и демократической процедурой действий...” [Кинг, 1991: с. 155–158]. Здесь вновь “кризис управляемости” вследствие вынужденной частичной демократизации системы под воздействием существующей системы реального социализма во главе с Советским Союзом и “демократического подъема”, о котором говорил Хантингтон, то есть подъема антисистемных движений, рассматривается как центральная проблема капиталистических элит.

В то время, когда планирующие форумы транснациональной элиты искали пути спасения капиталистической системы, Джон Д. Рокфеллер-третий, представитель одного из наиболее могущественных семейств американского истеблишмента, активно участвовавшего в деятельности всех трех организаций, выступил с программой действий, выражавшей интересы соответствующих деловых и политических кругов. Эта программа была изложена им в книге “Вторая американская революция”, опубликованной в 1973 году. Он заявлял о решимости элит отказаться от уступок, на которые они вынуждены были пойти, начиная со времен Великой депрессии, и перейти к долгосрочной политике децентрализации и приватизации многих государственных функций. Тем самым утверждалось намерение демонтировать всю систему социальной защиты, государственных социальных гарантий и услуг, составляющих стержень государства всеобщего благосостояния. Вот как оценивает значение этой программы американский публицист У.Энгдаль: “В понимании Рокфеллера и его друзей, первоочередной целью являлось дерегулирование Уолл-Стрита и финансовых рынков вместе с радикальным сокращением равного распределения общественного богатства, присущего программам социального обеспечения. “Сокращение налогов для богатых” Джорджа Буша-младшего было лишь продолжением программы могущественных кругов истеблишмента, длящейся уже три десятилетия. Как ни трудно в это поверить, но вся основная политика США с 1970-х годов до нынешнего кризиса, неверно названного sub-prime, связана одной нитью” [Engdahl, 2008 a]. Все эти разрабатываемые СМО, Трехсторонней комиссией и Римским клубом идеи позже составят основу проекта неолиберальной глобализации.

В конечном счете капиталистическая элита Запада приняла сформулированный ее “органическими интеллектуалами” (А.Грамши) вывод, что система переживает кризис управляемости и ее спасение требует ограничения демократии, деполитизации масс, то есть отлучения их от принятия политических решений и демонтажа государства благосостояния. Отказ от идеи достижения равенства или, скорее, приемлемого уровня неравенства и необходимости поддержания социально-классового компромисса стал краеугольным камнем новой стратегии удержания господства транснациональной, прежде всего англо-американской, капиталистической олигархией.

Таким образом, выход из структурного кризиса капитализма виделся капиталистическим элитам в разрыве с политикой социал-реформизма и относительного классового компромисса, ставших бременем для системы накопления капитала, и в повороте к неолиберальной политике классовой войны и неолиберальной глобализации как новой формы империализма, что было нацелено на четкое перераспределение общественного богатства в пользу самых привилегированных социальных слоев и групп МКС.

По мнению многих исследователей, капиталистические классы центров МКС не имели возможности продолжать выполнение программы классовых компромиссов. Отсюда вытекает, что резкая смена политического курса была неизбежной. Однако, с точки зрения британского социолога Питера Гоуэна, автора известной работы “Глобальная авантюра: фаустовские претензии Америки на мировое господство”, кейнсианская классовая стратегия в ядре мир-экономики могла быть продолжена. Но она оказалась в противоречии с интересами сохранения гегемонии США и социальными интересами определенных фракций капитала. Действительно, с одной стороны, начиная с 1960-х годов США сталкиваются с мощным вызовом со стороны конкурентов в лице восстановившего свою мощь индустриального капитализма Западной Европы и Японии. Это имело следствием кризис перенасыщения. Кроме того, фордистская модель накопления создала промышленное рабочее движение, завоевавшее достаточно большую степень социального и экономического влияния. Как отмечает Гоуэн, продолжение политики кейнсианского компромисса было возможно, но предполагало углубление коллегиального управления мировой экономикой, более тесное корпоративское сотрудничество с трудом (профсоюзами) и расширение сотрудничества между Севером и Югом, то есть между индустриально развитыми и развивающимися странами.

Некоторые группы капиталистических элит выступали за этот путь, о чем свидетельствует деятельность комиссии Север — Юг под руководством видного деятеля международной социал-демократии В.Брандта, предлагавшей осуществить нечто вроде проекта “государства всеобщего благосостояния” на мировом уровне. Однако финансовая олигархия, прежде всего североамериканская, отказалась от движения по этому пути. В краткосрочной перспективе кризис создавал благоприятные возможности для реструктурирования капитализма в направлении, благоприятном для американского капитала. Это направление было очерчено в программе англо-американских новых правых, предполагавшей отбрасывание рабочего класса с завоеванных им социальных позиций, разрушение социальных коалиций, выступающих за направляемое государством развитие стран Юга, ликвидацию ограничений прав собственности, дерегулирование и устранение контроля над движением капитала, макроэкономическую и фискальную политику, нацеленную на защиту финансового капитала. Это была программа возврата к формам капитализма, которые существовали до 1945 года и до “нового курса” Рузвельта [Gowan, 1999, 2003].

Одной из причин победы этой рецидивистской, по словам Гоуэна, программы социальных изменений являлось то, что приверженность кейнсианству больше не отвечала интересам сохранения гегемонии США, и оно было отброшено в пользу новой социально-политической стратегии. Эта неоконсервативная стратегия позволила восстановить одну из черт послевоенного

мирового порядка — гегемонию США в мировой капиталистической системе. Но с точки зрения социально-классовой политики исторического компромисса эта стратегия означала разрыв с послевоенным порядком. Иначе говоря, вместо порядка “нового курса”, основанного на уступках рабочему классу и третьему миру, капитализм стремится восстановить власть “железной пяты”. Таким образом, отказ от политики классовых компромиссов не был следствием провала кейнсианства как такового. Скорее всего, причиной этого стали более глубокие противоречия в самой мировой капиталистической системе.

В свете сказанного период первого проявления структурного кризиса послевоенного капитализма в 1968–1975 годах можно интерпретировать как период слома относительно стабильного общественного порядка и модели развития, когда возникают своего рода точки бифуркации, в которых происходит ветвление путей эволюции и существует возможность выбора пути исторического развития. Столкнувшись на рубеже 1970-х со структурным кризисом капитализма и кризисом гегемонии США, атлантические капиталистические элиты встали перед дилеммой. С одной стороны, они могли пойти навстречу требованиям народных масс первого и третьего мира по пути углубления социального реформирования капиталистической системы к политически более свободному и социально более справедливому обществу. Однако в перспективе, как опасались правые идеологи типа Д. Белла, С. Хантингтона и др., это привело бы к отказу от капитализма. С другой стороны, они могли пойти по пути подавления и отбрасывания этих требований. В сложившейся ситуации, оценив расстановку сил, атлантические капиталистические элиты избрали второй путь как гарантирующий укрепление их господства. Этого требовали как императивы капиталистического накопления в узкоэкономическом смысле, так и интересы сохранения их политико-идеологического господства.

Неолиберализм в качестве средства социального контроля, как то и было рекомендовано его органическими интеллектуалами, избрал масштабное сокращение в странах Запада “средних классов”, а также практически полную их ликвидацию в остальных странах (концепция золотого миллиарда) и погружение в бедность значительной части населения стран Запада и большей части остального мира, а тем самым лишение их материальных и культурных ресурсов сопротивления логике капитализма. Цель неолиберализма — “подчинить индивидуальные жизненные циклы микроэкономической рациональности”, что включает упразднение социального аспекта кейнсианской экономической политики, социального перераспределения и обеспечения. Суть этого микроэкономического контроля образно выразил К. ван дер Пил: “Хочешь, обучаясь в университете, выйти на демонстрацию под красным флагом? Давай, но сначала убедись, что ты сможешь обеспечить себе солидный образовательный заем” [Van der Pijl, 2006 а: р. 25; Van der Pijl, 2007]. Дальнейшее, включая и агрессивный натиск империализма в 1980-х годах в ходе “второй холодной войны”, начавшейся после периода разрядки, на мир социализма и СССР как действительную причину и фактического гаранта существования в центрах МКС “государства всеобщего благосостояния” и как препятствие на пути планов “глобальной перестройки”, — все это определялось неолиберальным выбором.

Итак, выбор новой социально-классовой стратегии диктовался двумя тесно взаимосвязанными процессами — кризисом установленного под руководством США послевоенного режима накопления и кризисом основанной на нем гегемонии США, сформировавшими историческую конъюнктуру периода структурного кризиса капитализма. В ситуации кризиса перенаселения наиболее приемлемым, с точки зрения капиталистических классов, выходом из сложившейся ситуации в условиях обостряющейся конкуренции транснациональных монополистических объединений становится поиск новых рынков и новых возможностей прибыльных капиталовложений, новых источников сырья и дешевой рабочей силы. Одним из ключевых факторов увеличения прибылей и преодоления кризиса накопления является расширение процесса коммодификации — превращение общих благ, которые в таком случае превращаются в “фиктивные товары”, по терминологии К.Поланьи, в объект прибыльных операций на рынке.

Этот процесс развивается по нескольким направлениям. Одно из них — рост коммерческих операций с одной разновидностью фиктивных товаров — деньгами, или, иными словами, растущая коммодификация денег. Ввиду отсутствия в данное время других альтернатив реакцией на стагнацию и падение прибылей, извлекаемых из производства, становятся инвестиции в финансовый сектор, что означает рост финансово-спекулятивного капитала, воспроизводящегося посредством манипуляций с различными долговыми механизмами. С другой стороны, повышение прибылей зависит от снижения издержек производства и расширения возможности манипулирования рыночными ценами. Решающими факторами, влияющими на издержки производства, выступают уровень оплаты рабочей силы, издержек, связанных со средствами производства, а также налоги на прибыль корпораций. Императивы капиталистического накопления побуждали капиталистов в погоне за сокращением издержек стремиться к слову государственных систем социальной защиты, замораживанию или снижению зарплат, ослаблению и подрыву профсоюзов, ослаблению законодательства об охране окружающей среды и, конечно, снижению налогов на прибыли. Наконец, эти меры в процессе конкурентной борьбы дополнялись таким действенным средством повышения прибыли, как ограничение конкуренции с помощью монополизации тех или иных сегментов рынка. Чаще всего монополизация осуществляется посредством установления частнособственнического контроля над имеющими ключевое значение для жизнедеятельности общества общими благами (предприятиями, объектами инфраструктуры, земельными и водными ресурсами) [Wallerstein, 2001]. Этот процесс получил название приватизации, волна которой захлестнула мир в последние тридцать лет. Необходимым дополнением приватизации в процессе создания частных капиталистических монополий является “дерегулирование”, которое на самом деле представляет собой комплекс мер государственного регулирования, нацеленных на создание благоприятных условий для их деятельности.

Неолиберальные силы везде, где они приходили к власти, действовали во всех трех направлениях — расширяли сферу финансовых спекуляций, вели наступление на социально-экономические права рабочих, способствовали концентрации собственности и укреплению капиталистических монополий. При этом следует помнить, что все указанные процессы протекали как на национальном, так и на мировом уровне, и этот второй уровень — уро-

вень МКС — в целом являлся определяющим, поскольку воспроизводство капитализма как общественной системы и капитала как общественного отношения изначально осуществлялось в ходе взаимодействия “развитой” и “слаборазвитой” частей МКС. Поиск путей снижения издержек производства привел к переносу определенных типов производства из зоны ядра в другие части МКС с исторически более низким уровнем оплаты рабочей силы. Отсюда вытекала потребность в их более тесной производственной интеграции в МКС, установлении режима свободной торговли и свободного движения капитала. Эти практики впоследствии и получили наименование “глобализация”.

Таким образом, начавшаяся в начале 1970-х мировая экономическая стагнация и политическая нестабильность вызвали к жизни проект неолиберальной глобализации. Основная идея данного проекта заключается в том, что поскольку индустриально развитые страны МКС как его центр могут осуществлять расширенное воспроизводство только при условии усиленной опоры на периферию МКС, то частные транснациональные монополии как основа развития центров должны, опираясь на силу государств центра, стать единственной силой, господствующей в мировой экономике. Задача же государств периферийной части МКС в рамках указанного проекта состоит в обеспечении открытости границ и свободного проникновения и безопасности корпоративного капитала. Именно этим государствам в первую очередь адресована обосновываемая концептом глобализации идея ограничения государственного суверенитета и отмирания национального государства как “невозможной”, по словам К.Омэ, экономической единицы в глобальной экономике (цит. по: [Гелд, 2004: с. 105]). Производственные, материальные, финансовые, природные и др. ресурсы периферийных государств должны быть открыты приватизации и, таким образом, переходу в собственность транснациональных монополий. Эти империалистические практики проникновения и захвата периферии МКС и экономического передела мира между транснациональными монополистическими объединениями индустриально развитых государств центра и являются реальной основой проекта неолиберальной глобализации.

Источники

Гелд Д. Глобалізація / антиглобалізація / Д. Гелд, Е. МакГрю. — К. : К.І.С., 2004. — X, 180 с.

Кинг А. Первая глобальная революция: Доклад Римского клуба / А. Кинг, Б. Шнайдер ; пер. с англ. — М. : Прогресс-Пангея, 1991. — 339, [1] с.

Малюк А. Формирование долгосрочной исторической конъюнктуры современного глобального кризиса / А.Малюк // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2013. — № 1. — С. 27–45.

Павленко В. Тени из прошлого vs. будущее [Электронный ресурс] / В. Павленко. — Режим доступа : <http://www.iarex.ru/articles/29878.html>.

Фурсов А. Кризис “длинного XXI века” (1975 г. — ?): причины, движущие силы, угрозы / А. Фурсов // Будущие угрозы человечеству и России : материалы науч. семинара ; вып. 4. — М. : Науч. эксперт, 2009. — С. 5–37.

Фурсов А. “Кризис-матрешка”: демонтаж капитализма и конец эпохи пирамид / А. Фурсов // Прогнозы и стратегии. — 2008b. — № 1. — С. 134–139.

Фурсов А. Мир, который мы покидаем, мир, в который мы вступаем, и мир между ними. Капитал(изм) и Модерн — схватка скелетов над пропастью / А. Фурсов // Defuturo, или История Будущего. — М.: Полит. класс. АИРО-XXI, 2008a. — С. 255–304.

Тинберген Я. Пересмотр международного порядка / Тинберген Я.; под общ. ред. А.А. Рывкина; пер. с англ. И.А. Бонк; предисл. Д.М. Гвишиани. — М.: Прогресс, 1980. — 416 с.

Bell D. Cultural Contradictions Capitalism / Bell D. — N. Y.: Basic Books, 1976. — XXXVI, 301 p.

Block F. Understanding the Diverging Trajectories of the United States and Western Europe: A Neo-Polanyian Analysis / F. Block // Politics and Society. — 2007. — Vol. 35, No. 1. — P. 3–33.

Crozier M.J. Crisis Democracy. Report on Governability Democracies to Trilateral Commission / Crozier M.J., Huntington S.P., Watanuki J. — N. Y.: New York University Press, 1975. — 220 p.

Engdahl W. Financial Tsunami Part II: The Financial Foundations of the American Century [Electronic resource] / W. Engdahl. — Mode of access: <http://www.globalresearch.ca/the-financial-tsunami-the-financial-foundations-of-the-american-century/7813> (2008a)

Gowan P. The Global Gamble: Washington's Faustian Bid for World Dominance / P. Gowan. — London: Verso, 1999. — 337 p.

Gowan P. U.S. Hegemony Today / P. Gowan // Monthly Review. — 2003. — July-August. — P. 30–50.

Harvey D. A Brief History of Neoliberalism / D. Harvey. — Oxford: Oxford University Press, 2005. — 247 p.

Miller D. How Neoliberalism Got Where It Is: Elite Planning, Corporate Lobbying and the Release of the Free Market / D. Miller // The Rise and Fall of Neoliberalism. The Collapse of an Economic Order? / K. Birch, V. Mykhnenko (eds.). — London: Zed Books, 2010. — P. 23–41.

Shoup L. Imperial Brain Trust. The Council on Foreign Relations and United States Foreign Policy / L. Shoup, W. Minter. — N. Y., L.: Monthly Review Press, 1977. — X, 334 p.

Van der Pijl K. A Lockean Europe? / K. Van der Pijl // New Left Review. — 2006. — No. 37. — P. 619–637.

Van der Pijl K. Capital and the State System: A Class Act / K. Van der Pijl // Cambridge Review of International Affairs. — 2007. — Vol. 20, No. 4. — P. 619–637.

Van der Pijl K. Global Rivalries: From the Cold War to Iraq / K. Van Der Pijl. — L.: Pluto Press, 2006. — 480 p.

Wallerstein I. The Limits of Economic Conservatism [Electronic resource] / I. Wallerstein. — Mode of access: <http://www2.binghamton.edu/fbc/archive/63en.htm> (2001).